

Игорь Орлав

Планета разных суток

КодМЫ

Научная фантастика

Игорь Орлав

Планета разных суток

«Автор»

2026

Орлав И.

Планета разных суток / И. Орлав — «Автор», 2026

На Ильме сутки делятся тридцать два часа. Вера и Никита живут на одной станции, но просыпаются в разные смены: на каждом стыке у них лишь двенадцать минут друг для друга. Пока неисправность теплового контура угрожает колонии, между ними копятся непрочитанные сообщения, обиды и забота, которую легко принять за контроль. Чтобы сохранить станцию и свои отношения, им придётся научиться передавать друг другу больше, чем исправно выполненную работу.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Тёплая сторона стола	6
2. Чашка с синей полосой	9
3. То, чего нет на крючке	12
4. Сорок три минуты	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Игорь Орлав

Планета разных суток

Это художественное произведение. Персонажи и события вымышлены. Технология фазовой адаптации и её ограничения придуманы автором.

1. Тёплая сторона стола

Вера прижала ладонь к столешнице. На том месте, где только что стояла чужая чашка, осталось круглое пятно тепла.

Никита был ещё в переходе. Она видела его за прозрачной дверью: он вытряхивал из кармана короткий ключ, две шайбы и кусок синего шнура. Шнур прилип к рукаву. Никита снял его осторожно, словно это было что-то живое, и только после этого заметил Веру.

— Приняла запись?

Она кивнула. Запись лежала перед ней на экране, короткая и безупречная. Давление северной магистрали — в пределах допуска. За смену добавлено восемьдесят миллилитров теплоносителя. Фильтр чист. Следующая проверка в четвёртом часу. Причина добавки не установлена.

Последняя фраза ей понравилась. Никита не писал «испарение», если не видел, где испаряется.

— Уровень оставил на нижней риске, — сказал он. — Не доливай заранее. Иначе не поймём, уходит ли.

— Хорошо.

— В ящике чистые уплотнения. Старые в отдельном пакете. Тамир их не выбрасывал.

Вера провела пальцем по тёплому кругу. До пробуждения ей снилась их земная кухня. Не вся — только угол окна, жёлтый от уличного фонаря, и Никитин локоть рядом с её локтем. Во сне никто никуда не уходил. Теперь от сна осталась такая тоска, что ей было трудно сразу читать про миллилитры.

— Мне приснилась наша кухня. Посиди со мной, — попросила она.

Он посмотрел на часы над дверью. Ноль часов три минуты. За окном перехода уже белел восточный край соляной равнины.

— Тебе плохо после капсулы?

— Нет. Просто посиди.

Никита сел, но оставил ступни под собой, готовый подняться. Вера хотела рассказать про кухню. Это не было важно, и именно поэтому ей требовалось чуть больше времени: важное на станции произносили сразу, пока оно не стало аварийным.

— Я там на схеме отметил верхний слив, — начал он. — Старое обозначение неверное, оно ведёт к тупику.

— Я прочитаю.

— Не обиделась?

— На обозначение?

Он улыбнулся. Она тоже, с опозданием.

На его запястье загорелся узкий янтарный сегмент. Никита поднялся, сунул ключ в положенную выемку и коснулся Вериного плеча.

— Каша в третьем гнезде. Я сделал пожиже.

Ей хотелось сказать, что она просила не кашу. Но каша действительно была сделана так, как она любила, а до конца Никитино окна оставались две минуты. Она сказала:

— Иди.

Дверь синего отсека закрылась. Его искусственный день погас до ночного индиго, а в медном отсеке за Вериной спиной разгорался ровный свет. Между ними стоял стол, прикрученный к полу четырьмя болтами. Из всех мест на «Перешейке» только этот переход они по привычке называли домом.

Ильма поворачивалась к своей звезде за тридцать два земных часа. Старые часы на станции перенастроили, и после двадцати трёх на них шло двадцать четыре, двадцать пять,

вплоть до тридцати одного. Минута осталась минутой. За неё человек не успевал больше только потому, что находился далеко от Земли.

Восемьдесят четыре колониста жили двумя группами. Медная вставала в тридцать один пятьдесят четыре и должна была вернуться в капсулы к шестнадцати ноль шесть. Синяя просыпалась в пятнадцать пятьдесят четыре и уходила в ноль ноль шесть. По шестнадцать часов двенадцать минут бодрствования, по пятнадцать часов сорок восемь минут замедленного восстановления.

Двенадцать минут встречи на каждом стыке. Дорога к капсулам и обратно отнимала ещё часть окна.

В первый месяц после посадки колония пробовала жить общим днём. Кухня, мастерская и восстановительные системы требовали мощности одновременно, а в другой половине суток станцию держала маленькая дежурная группа. Люди начали забирать время у отдыха. На собрании они выбрали два равных состава по сорок два человека. Длинный капсульный цикл уже позволял подстроиться под Илью; теперь его использовали ещё и для распределения нагрузки. Стало легче снабжать станцию и труднее встречаться. На схеме перехода это выглядело как два ровных цвета, разделённых одной чертой.

Это не было обычным сном, который можно передвинуть ради ужина. Перед полётом всем установили фазовые регуляторы, а во время перелёта провели адаптацию. Капсула поддерживала длинную восстановительную часть цикла; организм постепенно научился ей следовать. Вне капсулы торможение всё равно начиналось, только без необходимой поддержки. Сначала человек терял нить разговора, затем принимался повторять уже сделанное. На станции это называли отдачей.

У Веры с Никитой она наступала неодинаково. Он ещё мог шутить, когда пальцы уже плохо слушались. Она до последнего говорила ясно и считала это доказательством, что с ней всё в порядке.

Возможные составы обсуждали ещё на корабле, а окончательные фазы выбирали добровольно уже на Ильме. Никита пошёл в синюю: там не хватало инженера регулирования. Вера согласилась закрыть механику медной. Им казалось, что они умеют быть рядом на расстоянии. Шесть совместных лет, экспедиции, дежурства, пересылка смешных звуков из разных городов — достаточная подготовка к двенадцати минутам.

На Ильме выяснилось, что подготовка была к чему-то другому.

Вера достала кашу. На крышке стояла жирная точка: Никита так помечал еду, которую не нужно дополнительно разогревать. Она съела её у стола, всё ещё не сняв рабочую куртку. Потом взяла короткий ключ.

Северная магистраль начиналась под жилами отсеками и уходила к наружному полю теплоотводов. По ней станция отдавала лишнее тепло. Ни капсулы, ни светильники, ни мастерская не могли просто перестать греться. Под землёй лежали запасные накопители — на случай обслуживания, а не на бесконечную жизнь без внешнего контура.

В галерее пахло тёплым камнем. Лев, её техник, уже лежал на спине под коллектором и считал крепления вслух.

— Ты зачем считаешь?

— Чтобы опять не пройти мимо семнадцатого.

— Вчера прошёл?

— Позавчера. Вчера считал.

Вера отметила это с удовольствием. Лев не пытался казаться человеком, который никогда не пропускает крепления. На «Перешейке» такой человек долго бы не продержался.

Они проверили уровень. Нижняя риска. Ни капли на поддоне.

— Синие опять доливали, — сказал Лев. — Может, датчик врёт?

— Датчик не доливал. Никита доливал.

— Я не это имел в виду.

— Знаю.

В четвёртом часу солнце поднялось над краем гряды. Длинная наружная труба нагрелась, опоры позволяли ей сдвигаться вдоль галереи. Вера провела щупом по контрольному зазору. На третьей опоре он застрял.

Она вынула щуп и попробовала снова.

Внутри трубы что-то коротко пискнуло. Не тревожный сигнал — настоящий звук, тонкий, будто провели влажным пальцем по стеклу.

— Слышал?

Лев кивнул.

Вера приложила ладонь к кожуху. Вибрация исчезла. Давление оставалось нормальным, расход тоже, но зазор на третьей опоре был меньше вчерашнего.

Она сделала снимок, приложила линейку, сняла ещё раз. Затем открыла запись для Никиты.

«В четвёртом часу третий ползун прошёл меньше расчётного. Фиксирую положение. Не двигай до холодного замера».

Она хотела добавить про сон. Вместо этого приложила фотографию с линейкой.

2. Чашка с синей полосой

Для Никиты утро начиналось с заката.

В пятнадцать пятьдесят четыре крышка капсулы стала прозрачной. В шестнадцать ноль одна он уже стоял у рабочего стола и застёгивал манжету. Вера говорила с ним из галереи. За её плечом виднелась щёка Льва и ручная лампа; изображение качалось, потому что планшет держали на весу.

— Я ещё здесь. Опора идёт рывком. На горячую не трогай, дождись двадцать второго часа.

— Успеешь в капсулу?

— Лев закончит закрывать. Я уже иду.

— Вера...

— Что?

Он собирался спросить, о чём она хотела поговорить утром. Но её лампа погасла, экран заслонил рукав, и стало слышно, как Лев повторяет номер снятого ограждения. Никита сказал:

— Видеозапись сохрани полностью. Без обрезки.

— Сохранила.

Он увидел её в переходе лишь на несколько секунд. Куртка нараспашку, на переносице след от защитных очков. Она остановилась у стола, чтобы положить линейку.

— Ты ела?

— Да.

— Что?

— Никит, я правда ела.

Она прошла мимо, и ему стало неловко. Вопрос прозвучал как проверка. Он хотел знать, оставлять ли ужин, а спросил так, словно она провинилась.

Никита снял с крючка её чашку, белую, с косой синей полосой. Они привезли её не с Земли: сделали в корабельной мастерской из обычной металлической заготовки и покрыли эмалью. Полосу Вера провела сама, слишком быстро повернув чашку. Позже утверждала, что так и задумано.

Ручка чуть шевельнулась под пальцами.

Он присмотрелся. В месте крепления темнела тонкая трещина. Чашка не протекала, однако Никита представил, как Вера берёт её спросонья с кипятком. Поставил в нижний ремонтный шкаф, на мягкую прокладку, и открыл заявку на прихватку шва.

Потом записал: «Чашку убрал, ручка отходит. Починю».

В этот момент Тамир сообщил, что расход северной магистрали упал. Никита переключил канал. Личное сообщение осталось в черновиках.

В галерее остывал металл. Тамир стоял у дозатора, придерживая мерную колбу.

— Подпитка снова попросила. Пятьдесят миллилитров. Разрешать?

— Сначала давление по местному манометру.

Стрелка действительно ушла вниз. Пульт не врал. Они добавили жидкость, и стрелка вернулась на место.

Поддон был сух.

Никита обошёл доступные соединения. Под наружной частью трубы работала камера, но через неё не было видно нижней стороны гофры — гибкого участка, принимавшего на себя движение магистрали. Кожух закрывал её от соляной пыли.

— Может, в рубашку уходит? — спросил Тамир.

— Может. Сначала посмотрим, что делала температура.

На пульте линия выглядела спокойной. Никита открыл сырые отсчёты, и вместо ровного склона появились короткие зубцы.

На прошлой неделе он сам упростил главный экран. Каждое включение насоса давало россыпь точек, по которым трудно было видеть медленное изменение. Он вывел усреднение за минуту, оставив исходные данные в отдельной вкладке. В журнале была запись, но теперь, глядя на зубцы, он понял, что Вере следовало показать обе линии рядом.

Два провала совпадали с остановками нагрева. Один произошёл ещё при Вере.

Он прослушал её запись. На фоне шагов различался тот самый писк.

«Наше стекло научилось жаловаться», — подумал Никита и почти набрал эту фразу. Когда-то она бы рассмеялась. Теперь сообщение выглядело бы так, словно он не воспринимает проблему всерьёз.

Так они называли одну запись в своём атласе ненужных звуков: тонкий звон остывающего смотрового окна.

Они начали собирать его ещё до полёта. Вера записала на телефон, как пела пустая лестничная клетка, если хлопнуть в ладоши у третьего этажа. Никита ответил дверцей сушильного шкафа, взявшей две ноты подряд. Потом появились мост, у которого свистел один болт, длинная пружина грузового лифта и кастрюля, проигрывавшая чайнику соревнование за последний звук.

На корабле им выделили десять минут общего эфира. Они устроили угадывание: предмет или музыкальный инструмент. Половина экипажа приняла слив санитарного блока за флейту. Вера вела передачу совершенно серьёзным голосом, и от этого Никите было особенно трудно не смеяться.

На Ильме они хотели записать весь переход в разные часы. Как меняется стол. Как отвечает стекло. Как тянется звук поручня, когда наружная стена остывает.

Последний файл в атласе был создан семнадцать местных суток назад.

Никита закрыл папку и вернулся к измерениям.

К двадцать второму часу зазор на третьей опоре увеличился, но не до прежней величины. Ползун остановился раньше контрольной черты.

— Протянуть? — спросил Тамир.

— Она просила не двигать до замера. Замер сделали. Теперь посмотрим, можно ли вообще двигать.

Под боковой пластиной виднелась светлая крошка. Тамир собрал её в контейнер. Похожая крошка образовывалась, когда соляная пыль смешивалась со смазкой и засыхала в твёрдую корку.

Никита не стал освобождать ползун ночью. Если трубу зажало в нагретом состоянии, усилие могло остаться и после охлаждения. Снять корку было легко; угадать, куда дёрнется освобождённый участок, — уже нет.

Он установил два ограничителя, оставив между ними расчётный ход, и подписал каждый. Затем снял положение шкалы с двух сторон. Короткая проверка удержания давления после подпитки не выявила потери. Что менялось между такими проверками, они ещё не знали.

Это заняло больше времени, чем ему хотелось. Он отменил вечернюю калибровку света в мастерской и отправил Аде, начальнице синей смены, запрос на закрытие северного прохода.

Ада пришла лично.

— Что я должна сказать тем, кто пойдёт утром в теплицу?

— Пусть идут через склад.

— Это ещё четыреста шагов.

— Знаю.

— До когда?

Никита посмотрел на трубу.

— До следующего горячего замера. Раньше я не знаю.

Ада приняла ответ без удовольствия, но на ограждении написала именно это, не заменив срок на удобное «скоро».

Перед уходом Никита открыл передачу смены. Перечислил ограничители, подпитку, контейнер с крошкой, сырые данные. Последней строкой добавил: «Не начинай с разбора. Сначала посмотри два графика рядом».

Ему казалось, что он оставляет Вере понятное утро.

Белая чашка оставалась в нижнем шкафу.

3. То, чего нет на крючке

Утром Вера увидела сначала пустой крючок и только потом новые сообщения.

Крючков было два. Никитина серая кружка висела на своём месте, ручкой вправо. Под вторым остался чистый полумесяц на стене.

Она открыла нижний ящик стола, посмотрела в сушильное гнездо, даже наклонилась к контейнеру для упаковки. Чашки не было.

Никита уже ушёл. Передачу провёл Тамир: инженер заканчивал осмотр наружной камеры и не успевал зайти в переход. С экрана говорил человек, который заботливо приготовил ей контейнеры, схемы и фотографии. Про чашку этот человек ничего не сказал.

«Не начинай с разбора».

Вера перечитала строку. Вчера она сама остановилась до разборки, потому что не знала остаточного усилия. Сейчас указание прозвучало так, будто Никита заранее считал, что без него она полезет к нагруженной трубе с ключом.

Она знала, что это не единственное прочтение. Однако единственным оно стало очень быстро.

В личном канале Вера написала: «Где моя чашка?»

Затем открыла графики.

Усреднённая линия и сырые данные расходились заметно. Все отчёты были на месте; Никита ничего не стёр. Но за последние сутки Вера смотрела именно на главный экран и успела решить, что провалов нет.

Запись об изменении отображения она нашла в журнале. Семь суток назад. «Для удобства оценки тренда». На той же странице шли ремонт кухонного дозатора, замена прокладок и проверка освещения. Она подтвердила ознакомление со всей сменой. Отдельно о графике они не говорили.

Вера присела на край стола. Раздражение от пустого крючка теперь получило аккуратную техническую форму.

Можно было принять ночной замер и продолжить. Можно было сначала повторить контроль. Она выбрала повтор.

Лев выслушал план и спросил:

— Зачем опять держать давление? Синие держали.

— На другой температуре.

— Тогда это не опять.

— Именно.

Она обрадовалась его поправке слишком сильно.

Для контрольного удержания требовалось на восемнадцать минут отделить северную магистраль от жилого контура. Тепло принимал подземный накопитель. После переключения его нужно было снова охлаждать через исправный участок наружного поля; в текущем режиме это занимало больше часа.

Вера внесла расход резерва в расчёт и получила разрешение дневного диспетчера. Проверка была допустимой. Она даже могла оказаться полезной.

Но вопрос, на который она хотела ответить, был сформулирован неверно. Ей требовалось не проверить узел при новой температуре. Ей требовалось убедиться, что Никита не оставил её разбираться с недоговорённостью.

Магистраль выдержала.

За восемнадцать минут давление не изменилось. Стык оставался сухим. Ограничители стояли правильно.

Лев записал показания. Вера ещё раз проверила его запись и ощутила стыд, знакомый по давним ссорам: человек сделал всё как надо, а ей от этого не стало легче.

В шестом часу к ограждению пришёл Сева, заведовавший теплицами. На плече он нёс узкий лоток с рассадой. Из-за обхода через склад лотки приходилось переносить вручную: грузовая тележка не проходила в поворот.

— Ваши синие говорят до горячего замера, — сказал он. — Горячий уже был?

— Был. Проход пока не откроем.

Сева переставил лоток на другое плечо.

— Тогда мне нужен человек на переноску. Не обещание, что скоро.

Вера вызвала двух свободных работников склада. До этого она собиралась попросить их помочь снять кожух. Осмотр пришлось передвинуть.

— И не «ваши синие», — добавила она.

— Как скажешь.

Он ушёл, и Вера поняла, что не знает, ради кого поправила его: ради Никиты или ради себя.

К девятому часу третья опора окончательно остановилась. Труба продолжала нагреваться. Метка на гофре, которую Вера нанесла ещё при монтаже, из прямой превратилась в слегка выгнутую.

Теперь спор о графиках стал мал.

Она остановила нагрев соседнего технологического участка, чтобы снизить нагрузку, и вместе со Львом установила измерительную скобу. Скоба показывала боковое отклонение. За следующие сорок минут оно выросло ещё немного.

— Ползун держит трубу, — сказала Вера. — А должна держать опора. По-другому.

Лев посмотрел на неё.

— В смысле труба должна скользить?

— Да. Я плохо сказала.

Она записала нормальную фразу, прежде чем перейти к следующему действию. «Опора препятствует продольному перемещению. Нагрузка уходит в гибкий участок».

В одиннадцатом часу Вера попыталась увеличить изображение нижней стороны гофры. Кожух мешал. Снимать его на горячей магистрали было нельзя без дополнительной опоры, а готовой рамы на складе не было.

Она послала Никите схему и просьбу подготовить холодный осмотр.

Личное сообщение о чашке так и не было прочитано.

К концу смены Вера почувствовала, что слишком много времени держит зубы сжатыми. Она сходила в свой отсек, умылась, съела суп и вернулась. Рабочие десять часов закончились, но решение на следующую смену ещё не складывалось.

Она считала себя человеком, которому легко дать свободу. Никогда не просила отчёта, с кем Никита разговаривал, не обижалась на отдельные поездки. Теперь выяснялось, что ей нужен ответ на простой вопрос о чашке, причём до того, как она сама придумает объяснение.

В пятнадцать пятьдесят восемь Никита появился на экране.

— Я посмотрел. Твой дневной прогиб важнее нашего ночного давления. Есть мысль...

— Зачем ты сгладил график?

Он замолчал.

— Исходные данные на месте.

— Я спрашиваю не это.

— Чтобы можно было видеть...

— Ты написал «для удобства». Мне стало неудобно.

— Понял. Верну две линии.

Это было правильное решение. Слишком быстрое, чтобы поместилось всё остальное.

— И чашку ты тоже убрал для удобства?

За Никитиным плечом открылась дверь. Тамир что-то показал на переносном приборе. Никита повернулся, и Вера услышала:

— Уже сейчас?

Потом он снова посмотрел на неё.

— Нужно к коллектору. Про чашку отвечу. Я помню.

Вера положила планшет лицом вниз.

Через несколько секунд перевернула обратно: так можно было пропустить аварийное сообщение.

4. Сорок три минуты

На этот раз жидкость появилась снаружи.

Не струйка и даже не капля. Тамир нашёл на нижней кромке кожуха светлую корочку, которой не было в начале предыдущей смены. Под лампой она казалась солью. Индикаторная полоска, смоченная растаявшей крошкой, показала состав теплоносителя.

Никита снял показания, занёс находку в журнал и долго смотрел на сухой поддон.

Утечка находилась за пределами тёплой галереи. Жидкость успевала замёрзнуть на наружной части кожуха, не добравшись до сливного канала. Днём тонкий налёт высыхал на прогретой оболочке. Изнутри всё это время можно было видеть чистый металл.

— Значит, снимаем, — сказал Тамир.

— Сначала рама.

Из Вериной схемы Никита понял, как подхватить трубу, но не был уверен в точке опоры. Он записал вопрос. Ответ придёт через полсуток.

Ада предложила разбудить Веру.

Не приказала — спросила, доступен ли такой вариант. Никита посмотрел на её схему ещё раз. Там была указана полоса допустимого положения, но не точка. Внутри полосы следовало выбрать место по реальному состоянию металла.

— Нет. Она оставила достаточно. Возьмём широкую седловину.

Он сказал это с облегчением. Впервые за смену не требовалось подтверждать, что всё плохо: можно было сделать следующий понятный шаг.

Подходящая седловина нашлась в монтажном наборе восточного сада. Так называли ещё не построенный светлый отсек, где собирались выращивать плодовые деревья. Пока от сада существовали каркас, запечатанные трубы и саженцы в тесных переносных ёмкостях.

Сева оставил разрешение брать оснастку, но не расходовать гибкие вставки.

«На них гарантия по давлению, замену здесь не изготовим», — написал он.

Никита согласился. Ему была нужна только рама.

Они с Тамиром подхватили трубу, сверили отсутствие движения и освободили крепления кожуха. Под ним обнаружился тёмный след. Гофра была слегка повёрнута относительно оси — настолько мало, что без дневной фотографии Веры Никита мог бы принять это за монтажное положение.

Холодная трещина открывалась у нижней складки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.